

и уверяю Вас, что охотно сделал бы все от меня зависящее для успеха плана этого русского патриота, который, по моему мнению, будет первым среди тех, кто однажды спасет Россию.

Благоволите принять, дорогой господин, выражение моих наилучших чувств.

Э. Бенеш

AMZV, Praha, Pařížský archiv, č. 9, dok.
č. 1043.

Копия.

Перевод с французского.

188

Письмо заведующего отделом попечения о пленных Министерства национальной обороны П. Максы министру национальной обороны Чехословакии В. Клофачу о вербовке русских военнопленных в антисоветские части

Прага

14 марта 1919 г.

Бр. майор Халупа, первый адъютант г-на министра национальной обороны, представил мне на заключение ряд вопросов, касающихся акции по созданию у нас русских воинских добровольческих частей. Позвольте мне воспользоваться случаем и еще раз высказать свои взгляды, которые я со времени возвращения из России неоднократно пытался в устной и письменной форме изложить во всех решающих инстанциях.

Вопрос об интервенции в России, с которым связано это мероприятие, становится все более сложным и трудным, т. к. борьба с большевиками превращается в борьбу за реставрацию старого режима, по крайней мере, со стороны тех активных военных сил, которые ныне действуют в России: со стороны южной группировки (добровольческая армия ген. Деникина на юге и армия адмирала Колчака в Сибири). Это находит свое проявление в том, что: 1) демократические и социалистические элементы группируются вокруг Советского правительства, 2) продолжается разложение армий Колчака и Деникина, равно как и растет недовольство местного населения этими правительствами. Об этом свидетельствует также тот факт, что войска союзников, в особенности французские, отказываются участвовать в борьбе против большевиков, т. е. видят в ней борьбу капитализма и реакции против социализма. Эти факты были подтверждены в последнее время в сообщениях бр. поручика Черженского из Бухареста. Важны также сообщения этого офицера о прогрессирующем разложении и упадке дисциплины во французских оккупационных войсках, свидетельствующие о том, какая судьба может постигнуть любую оккупационную армию в России. Противоположный опыт чехословацких легионов в Сибири не опровергает этот факт, т. к. положение нашей сибирской армии, причины ее выступления и условия, в которых оно произошло, были иными. Кроме того, нельзя упускать из виду то, что вопрос о рабочих Советах находит все большую поддержку среди социалистов, при принципиальном несогласии их с методами террора.

Я думаю, что сейчас вне дискуссии вопрос об организации чехословацким государством нового собственного военного похода в Рос-

сию. Такова единодушная точка зрения всех ведущих деятелей республики. Вопрос о возвращении наших легионов из Сибири должен и будет решен иным способом. Любые действия с нашей стороны, означающие вмешательство во внутренние дела России, только затруднили и оттянули бы такое решение. Изложенное изменение обстановки в самой России в определенной мере поняли некоторые русские политики за границей и поэтому выступили с планом организации из пленных, находящихся в Германии и у нас, западной армии, которая бы двинулась в Россию под лозунгом Учредительного собрания, усиленная чехословацкой, югославянской и румынской добровольческими армиями. Эта кампания осуждена на неудачу уже потому, что среди масс пленных в Германии нет желания добровольно вступать в армию и в особенности потому, что среди этой массы растут антисоюзнические настроения, т. к. союзники не разрешают им вернуться на родину, восстановили порядок строгого сосредоточения в лагерях и т. п. Парижская акция до сих пор находится в начальной стадии и обречена на неудачу.

У нас работают две русские группы:

а) комитет русских офицеров (председатель — подполковник Жунко, секретарь — Тупиков), руководимый парижскими русскими кругами, который хочет подготовить организацию западной армии. С этой целью в Чехии должны быть сконцентрированы русские офицеры, из которых будут формироваться инструкторские части. Позже у нас должны быть сосредоточены пленные, выразившие желание или же завербованные в Германии, из которых должны формироваться воинские части. У нас они будут обучены и вооружены. Эту акцию поддерживает Министерство национальной обороны, которое на соответствующий запрос генерала Пелле¹, интересующегося ею, сообщило в записке от 20 февраля с. г., что у нас возможно разместить 10 000 человек в течение 2—3 недель, а немедленно 1000 офицеров. Министерство национальной обороны договорилось с союзниками о поставке продовольствия, вооружения и снаряжения для 10 000 солдат, а само предложило продовольствие для офицеров сроком на месяц. Далее Министерство национальной обороны создало, разместило, одело, вооружило, снабжает и финансирует роту офицеров — инструкторов в Терезине. В пункте 9 записки Министерства национальной обороны говорится о возмещении финансовых затрат, но я думаю, что этот вопрос не был до сих пор окончательно решен.

Ответ министра национальной обороны г-ну генералу Пелле и выраженная в нем далеко идущая готовность несколько озадачивают, если сравнить их с личным мнением г-на генерала Пелле, сформулированным господином генералом в записке господину министру национальной обороны от 17 февраля с. г.: «Я лично считаю, что имеющиеся ныне источники и трудности со снабжением позволяют с большим трудом допустить создание русских воинских частей в Чехии таким образом, чтобы это не стало тормозом в деле реорганизации чехословацкой армии. Я думаю, что в таких условиях лучше готовить репатриацию русских пленных по Дунаю, вопрос о которой был изучен генералом Дюпорем».

Точка зрения г-на генерала Пелле вытекает из правильной оценки экономического положения нашего государства. В ней можно также почувствовать скептицизм по поводу успеха всей этой кампании. Если бы г-н генерал Пелле принял во внимание еще и политический аспект

данного вопроса, учитывая нашу обстановку, то его суждение было бы еще более отрицательным.

По моему мнению, нашим долгом является рассмотрение вопроса с этой точки зрения. Поэтому подобная акция могла быть предпринята или активно поддержана только на *основе решения Совета министров*. А в Совете министров определенно прозвучало бы много *принципиальных* возражений. Я не говорю уже о том, какая борьба разгорелась бы вокруг этой кампании в том случае, если политическая общественность уделила бы ей внимание.

12 марта г-н полковник Ганф представил мне на заключение заявление комитета русских офицеров о выдаче оружия и снаряжения для 1000 офицеров. Я высказался за отказ.

Коротко укажу еще на следующие возможности: в случае создания у нас сильной русской воинской части, в особенности вооруженной, не исключена возможность того, что при удобном случае она вмешается в наши внутренние политические и социальные споры. Я знаю из русской практики, как трудно было соблюсти необходимый нейтралитет даже при наличии высокой сознательности и дисциплинированности наших братьев. Еще более вероятно то, что в сгруппировавшейся у нас русской массе распространилась бы большевистская агитация и русские корпуса у нас могли бы стать авангардом большевизма в сердце Европы.

Методы тайной большевистской агитации настолько превосходно разработаны, что даже самый бдительный надзор был бы безуспешным.

б) вторая действующая у нас группа состоит из представителей южной добровольческой армии генерала Деникина во главе с г-ном капитаном Менцлем. Они опираются на полномочия представителя южной армии при штабе генерала Бертело² генерала Жеруа. (Обращаю внимание на то, что речь идет не о полномочиях, данных союзнической армейской инстанцией, а о полномочиях, данных русским офицером, который представляет русскую армию у союзников. Следовательно, эти полномочия не являются для нас вообще желанием, высказанным союзниками.) В их задачу входит вербовка у нас и отправка офицеров в южную армию, которая ощущает в них недостаток.

Между обеими группами идут споры о компетенции, т. к. каждая требует от другой, чтобы та ей подчинилась (см. записку кап. Менцля г-ну министру НО № 165 от 10 марта)*. Господин капитан Менцль от имени генерала Жеруа и правительства Деникина угрожает тем, кто не подчинится его приказанием, наказанием по русским воинским законам.

Был случай, когда офицер из числа записанных комитетом, решил принять участие в кампании Менцля с целью скорейшего возвращения в Россию. Комитет требует наказать его как дезертира, т. к. он дал комитету честное слово, а также предать его чехословацкому военному суду. Как выясняется из сообщения капитана Менцля г-ну министру национальной обороны за № 164 от 10 марта, названный офицер должен был дать показания перед военным трибуналом, хотя в свое время господин генеральный инспектор д-р Шейнер в моем присутствии ясно заявил представителю комитета, что русские офицеры и вообще русские подданные могут преследоваться нашим судом только за нарушение законов республики.

* Записка к письму не приложена.

Из сказанного ясно, что таким образом местные споры русских переносятся к нам, что явно нежелательно.

На основании вышеизложенного позвольте мне предложить следующее:

1. Министерство национальной обороны должно заявить, что в данной обстановке в нашей стране невозможно создание русской армии из пленных в Германии. Поэтому Министерство национальной обороны требует не направлять к нам пленных из Германии. Можно сослаться на мнение г-на ген. Пелле о нашем экономическом и внутривосточном положении. В первую очередь мы должны политически, экономически и в военном отношении обеспечить свое государство, а затем сможем поддерживать чужие воинские акции. По этим причинам я рекомендую при переговорах требовать отправки пленных из Германии по Дунаю таким образом, чтобы транспорты из Германии не шли через Чехию.

2. Разрешить комитету русских офицеров вести пропаганду своих идей среди русских пленных на территории республики, но лишь в форме сбора заявлений добровольцев. Вопрос об их концентрации может быть решен позже.

3. Разрешить капитану Менцлю отправлять желающих на юг России. Таким путем будет осуществлена хотя бы частичная эвакуация русских пленных из нашей страны, что мы должны приветствовать.

4. В категорической форме напомнить комитету и господину капитану Менцлю, что они не имеют права прибегать к какому-либо давлению и что их деятельность будет разрешена лишь в случае, если они будут избегать каких бы то ни было споров.

5. Не препятствовать выезду из республики и возвращению в Россию тем пленным, которые не вступят ни в одну из добровольческих групп, а, наоборот, разрешить им выезд. Поручить это г-ну профессору Морковину, представителю датского Красного Креста. Это мероприятие должно проводиться неофициально и не слишком широко; однако оно будет очень полезным для нас. Оно не только обеспечит благодарность нескольких тысяч славянских братьев, у которых нет иного желания, кроме возвращения домой, но и избавит нас от забот, связанных с их содержанием, и освободит на внутреннем рынке рабочей силы несколько тысяч мест, в которых мы так нуждаемся ввиду нынешней безработицы и демобилизации.

Я прошу уделить внимание вышеизложенным выводам и предложениям и в соответствии с ними дать указания всем причастным органам Министерства национальной обороны.

П. Макса

AMZV, Praha, Pařížský archiv, č. 31, dok.

č. 3535. Заверенная копия.

Перевод с чешского.

¹ Пелле М.— французский генерал, глава французской военной миссии в Чехословакии и начальник Генерального штаба Чехословацкой армии.

² Бертелло Г. М.— французский генерал, глава французской военной миссии в Румынии.